

Валерка Борисов подскочил чуть свет, быстро оделся и, отказавшись на мамин вопрос о завтраке, побежал на службу. Пока трясся в громыхающем на рельсовых стыках трамвае, обдумывал, как он напишет свой первый серьёзный рапорт. Как потом покажет его Деду. Интересно — думал он. — Что скажет Дед?

А Дед, наверное, как всегда, сделает равнодушное, даже недовольное лицо. Сунет рапорт в стол и скажет что-то вроде: «Ладно! Поговорим позже». Он почти всегда говорит так, когда ребята приносят интересную информацию.

Валерка, задумавшись, чуть не проехал свою остановку. И лишь случайно глянув в мутное, с грязевыми подтёками трамвайное окно, увидел кинотеатр «Мир» и рванулся к выходу. Он в две минуты «долетел» до

знакомого крыльца с тёмно-малиновой табличкой рядом на стене с облупившейся штукатуркой. На табличке было написано «Ленинский районный отдел внутренних дел» и ниже крупными буквами «МИЛИЦИЯ».

За дверью напротив, за плексигласовым окном, Валерка увидел сидящего за телефонным пультом начальника дежурной смены: пожилого, усатого, а сейчас усталого и заспанного майора Куницына. Он махнул ему головой, сказал небрежно: «Здрасьте!» и пошёл к двери входа в помещения отдела.

— Молодой человек! — Куницын отодвинул в сторону створку плексигласового окна и уставился недовольным взглядом. — Ты что, как и я не ложился ещё? — строго спросил он.

— В чём дело? — сдерживая робость, буркнул себе под нос Валерка.

— А в том, — так же строго продолжал майор, — что на службу нужно приходить опрятным. Разрешили вам, понимаешь, шастать в гражданке с малолетства. Только из школы милиции, а ходишь как пыльным мешком стукнутый...

Валерка молча поспешил в двери и пробежал по коридору мимо дежурной части. Это ещё год назад по прибытию из школы милиции он останавливался на вытяжку перед каждым старшим по званию и входил в каждый кабинет, предварительно постучав и спросив разрешение. А теперь,

поработав уже почти год, он научился понимать, что дежурный начальник смены, по уставу, конечно, является заместителем начальника райотдела в его отсутствие. Но на деле командует он только дежурной сменой, то есть работниками дежурной части и сотрудниками, дежурящими сутки в оперативной группе. Что каждое подразделение в райотделе — и уголовный розыск, где служил Валерка, и следствие, и другие — подчиняются своим непосредственным руководителям, и именно от них в основном зависят судьба и ближайший распорядок жизни каждого сотрудника милиции. Что звание — это хорошо, но положение человека определяется не званием, а должностью, которую он занимает. Конечно, это было неписаное правило, и, конечно, как из всякого правила, из него были исключения. Но майор Куницын не входил в число исключений, как и многие работающие рядом с Валеркой, а вот Дед — непосредственный его начальник, как раз и был тем самым ярким исключением.

Старший оперуполномоченный майор милиции Семёнов Николай Иванович, а на общерайотделовском языке просто Дед, был для Валерки непосредственным руководителем, так как являлся руководителем зональной группы уголовного розыска, в которую Валерка и входил. Правда, группа была небольшая, впрочем, как и все

зональные группы. Кроме Деда и Валерки в неё входил ещё Колька Пятаков, такой же, как Валерка, молодой сотрудник. Появились они в кабинете у Деда в один день, поэтому вначале Дед называл их близнецами. С самого начала их появления каждому сотруднику уголовного розыска, а в основном это были ребята, обслуживающие другие зоны, Дед считал нужным пожаловаться: «Видали, какими «зверюгами» мою зону укрепили? Хана всем жуликам на втором участке».

Позднее они с Пятаковым слышали от других оперативников, что за это начальник райотдела вызывал к себе Семёнова и стыдил его, хотя даже самим «зверюгам» уже тогда понятно было, что, скорее всего, начальник мог только уговаривать Деда. Семёнову было уже за пятьдесят, а начальнику райотдела не было и сорока; кроме того авторитет Деда в органах был настолько непоколебимым, что ни один из начальников даже городского УВД не мог не разговаривать с ним уважительно. Оставаясь старшим оперуполномоченным уголовного розыска, Дед на своём долгом милицейском веку пережил столько начальников — и районных, и городских, что из их портретов можно было создать музей милиции города. Но, конечно же, Деда ценили не за его возраст, а, как понимал Валерка, за его заслуги и профессионализм. Это было понятно сразу. С первого

же дня их работы в райотделе не проходило и двух часов, чтобы в их кабинет, где они располагались всей зоной, к Деду не приходили различные люди с различными вопросами. Причём нередко это были руководители подразделений, с майорскими и подполковничьими погонами, при появлении которых первое время «зверюги» подсакивали со своих мест и становились по стойке смирно.

По затёртой тысячами ног лестнице Валерка в три прыжка взлетел на второй этаж и, пробежав мимо разноокрашенных дверей в конец коридора, открыл своим ключом дверь кабинета и уселся за свой обшарпанный стол. Он достал из стола стопку чистой бумаги, авторучку и только тут задумался.

Писать нужно было не торопясь, не как всегда, понятно и по возможности кратко. Вот именно за то, что у него получится кратко и понятно, Валерка и опасался.

Информация была получена им, можно сказать, случайно, по счастью, повезло. Но от этого ценность её, по мнению Валерки, не менялась. Причём важна она была не только для уголовного розыска их отдела, но и для всей городской милиции.

Валерка задумчиво поковырял остриём авторучки разошедшийся торец столешницы из ДВП и долго смотрел, как на пол осыпаются прогнившие опилки, которыми была набита столешница. Потом решительно подвинул

лист и стал писать в правом углу листа «шапку», то есть кому, от кого и по центру крупно вывел «РАПОРТ», но далее опять остановился в нерешительности.

С чего начать, как написать? И главное, всё или только самую суть? Писать ли источник информации? Как его указать? Если раскрыть его полностью, то, чего доброго, им заинтересуется сам начальник уголовного розыска или кто-нибудь из оперов поопытней, которым он поручит дело. Передадут, например, его рапорт в группу по угону, что вполне логично, и к Костылю придут другие ребята, и кто знает, как они с ним обойдутся. Да и как Валерке после этого смотреть в глаза Костылю? Может, для кого-то это и сантименты, но Валерка так не мог, и пока ещё считал, что не сможет так никогда.

С другой стороны, рапорт должен быть изложен подробно, и всякие непонятные обороты вызовут только лишние вопросы и насмешки.

От напряжённой мысли Валерка даже начал грызть ноготь, как в детстве, но, опомнившись, сплюнул прямо на пол. Вот задача! Чему только ни учат в школе милиции, но в жизни всегда всё по-другому.

Валерка стал вспоминать, не рассказывал ли он о Костыле кому-нибудь. Нет, кажется, ни Деду, ни Пятакову он о нём ничего не говорил. Но что-то беспокоило его, вспоминались какие-то намёки на это дело.

Несколько месяцев назад, ещё когда Дед многое объяснял им из очевидных понятий, Валерка и Пятаков узнали, что весь их район в оперативном плане поделен на ЗОНЫ. За каждой оперативной зоной закреплена группа уголовного розыска, на милицейском языке — «зональники». Это было главное понятие для них, но Валерка сразу запомнил ещё и то, что по линии милиции общественной безопасности район был поделён на участки, каждый из которых обслуживал участковый инспектор. И это для них было не столь важно, за исключением того, что внутри оперативной зоны всегда умещалось от трёх до пяти участков, и со слов Деда, каждый уважающий себя зональник обязан знать и уметь работать с каждым участковым инспектором, обслуживающим участок, находящийся внутри его зоны.

И тогда Валерка вспомнил, что около месяца назад у него был разговор с Пятаковым о том, что один из участковых инспекторов с их зоны перевёлся в отдел вневедомственной охраны. Участок в настоящий момент документально закреплён за его соседом, участковым, обслуживающим соседний участок, и фактически не обслуживается никем, так как у того участкового, кому «подбросили» дополнительный участок, и своих дел хватает по горло. Тогда Валерка говорил это Пятакову, напоминая ему слова Деда о том, что им, «салагам»,

можно и нужно учиться контактировать с участковыми и учиться у них, как знакомиться с населением, как проводить опросы, как общаться с ранее судимыми. Как обходиться с «кухонными гладиаторами», или по общепринятому — домашними дебоширами, как отличать запойных алкашей, издавающихся над живущими рядом, от загулявших работяг, устроивших дебош с семейством и т.п. Так вот, теперь, когда они уже походили несколько вечеров за участковыми, и это занятие им с каждым разом всё меньше и меньше нравилось, есть возможность самим надеть новенькую форму и, представившись новыми участковыми, набраться самостоятельной практики на свободном пока участке. В основном можно обойти интересующий их контингент ранее судимых за тяжкие преступления, познакомиться, так сказать, лицом к лицу, а не по фотографиям в альбомах Дедовской картотеки. Да и по адресам более мелких жуликов можно пройти тоже. Прийти, будто новые участковые знакомятся с новым участком, с людьми, проживающими на нём. С одной стороны, никаких предвзятых отношений и никаких подозрений, зачем, мол, ходят, да чего вынюхивают. Получится узнать что-то путное, то хорошо, а нет, так тоже не плохо, для них и это опыт. Лучше, чем за спиной участкового ходить по квартирам и смотреть,

как он сам общается с людьми по одному ему известному делу.

Пятаков тогда посмеялся над Валеркой. Сказал: «Поедешь как-нибудь на задержание или вызовут на кражу, там тебя твои новые знакомые и признают как нового участкового. Вот тогда Дед тебя не помилует, да он всё равно узнает, не сегодня, так завтра ему кто-то расскажет. Тогда что запоёшь?»

Скорее всего, Пятаков был прав, но Валерка его не послушал. Уж слишком заманчивая была идея поработать самостоятельно. Люди — ерунда. Ну, был вчера участковым, стал оперативником из розыска, им это не столь важно. Для основной массы милиционер — он и есть милиционер. А вот с Дедом действительно может получиться плохо. Дед уже предупреждал, что за их непоротые задницы он несёт ответственность, и в случае какой-либо самодеятельности с их стороны он исправит ошибку их родителей и пороть их будет лично. Шутка шуткой, но Дед мог испортить ему службу очень легко. В райотделе молодые ребята из следствия рассказывали легенды, как незадачливых молодых оперативников и следователей переводили служить в конвойную роту, занимающуюся в городе извозом арестованных от КПЗ в суд и обратно. Такая судьба испугать может кого угодно...

Не послушал Валерка ни Пятакова, ни страшных слухов, ни скребущих душу сомнений.

Как-то вечером он надел свою новенькую форму с погонями младшего лейтенанта и, рассматривая себя в зеркало, неожиданно вспомнил свою учёбу в школе милиции. Сейчас она казалась ему прекрасным и беззаботным временем, и тоска по родному городу и по родным и друзьям вспоминались лишь мелкими эпизодами. Больше вспоминались казарменные будни, лица друзей-товарищей, преподавателей, летние или осенние улицы уже, кажется, забытого города, бульвары, девчонки, подтаявшее мороженое, вечерние дежурства в составе пеших патрулей милиции, долгое стояние в оцеплении ревущего стадиона, редкие самоволки, встречи с девушками в тесных комнатухах общежитий...

Да мало ли что было за два года учёбы.

Около месяца Валерка выкраивал два-три вечера в неделю и, облачившись в форму, становился участковым инспектором милиции. Участок в основном состоял из панельных пятиэтажек, построенных в середине семидесятых годов, с узкими, загаженными мусором дворами и пропахшими залежавшейся пылью подъездами. Во дворах всегда больно бросались в глаза изломанные, исковерканные беседки и варварски погнутые и заросшие травой остатки металлических и деревянных конструкций детских площадок. С детства Валерка помнил ещё эти

детские площадки как ярко раскрашенные весной карусели и деревянные лестницы, или уже облезлые, но мирно скрипящие под влюблёнными парочками в осенние тёмные вечера металлические массивные качели. Не освещённые, полутёмные подъезды выглядели ещё мрачнее из-за покоровившейся краски панелей, сломанных и погнутых ящиков для почты и нецензурных надписей на стенах. Да, многое поменялось за те годы, пока он служил в армии, а потом ещё был в школе милиции...

Переписав себе из зональной картотеки, как называл Дед шкаф, забитый разными справками и формами о ранее судимых жильцах нужного ему микрорайона, половину общей тетради в клетку с адресами, фамилиями, кличками и т.п. сведениями, Валерка терпеливо продолжал свою новую деятельность. Где-то ему открывали дверь сразу, где-то с опаской, а где-то просто откровенно посылали подальше. Иногда он попадал прямо в притон наркоманов, набитый большим количеством тел, лишь издали напоминающих людей. Несколько раз он прямо от дверей оказывался среди пьяных компаний; то злых, то разудало весёлых. Эти компании горланили песни и спрашивали больше, чем отвечали. Тогда приходилось выбираться, осторожно, медленно отступать или отталкиваться от протянутых рук, отпихиваться, освобождаться от вязких,

навязчивых объятий, как из липких захватов путан.

Пару раз ему пришлось подраться. Один раз довольно серьёзно, так, что он потерял фуражку, и нужно было возвращаться, уже размахивая пистолетом. Однажды ему пришлось даже убежать от пьяного, но довольно проворного мужика с топором, заподозрившего в нём любовника своей жены.

К концу месяца Валерке пришлось завести себе журнал, большую амбарную книгу, куда он подробно перенёс ранее отрывочно зафиксированные интересующие его факты, адреса, сведения о людях; кроме этого несколько обыкновенных бумажных папок с верёвочными завязками, где он в определённом порядке раскладывал старые справки и формы паспортного стола с фотографиями и с пометками на определённого человека со своими исправлениями на текущий день. Всё это добро он держал теперь в нижнем отсеке сейфа, который у них с Пятаковым был один на двоих, и представлял скорее два спаренных сейфа, поставленных один на другой. И если раньше, как и Пятаков, Валерка закрывал свой сейф, когда клал туда оружие или документы, которые временно для работы доверял ему Дед, то теперь он постоянно держал его закрытым и старался не широко открывать дверцу, когда открывал его. Валерке иногда казалось, что Дед что-то

подозревает, но почему-то молчит. Но время шло, и он опять успокаивался.

Произошло это месяца через полтора. Всё это время Валерка продолжал вечерами «исполнять обязанности участкового», которые прерывались лишь суточными дежурствами в оперативной группе или заданиями Деда. Дед иногда брал их с собой на ночные задержания подозреваемых, реже в засады. То посылал с другими оперативниками на выезд по месту совершения преступления или с прокуратурой на выезд по месту не криминального трупа, вроде утопленника или повешенного. Так вот, в один из вечеров, когда уже лето начало кончаться, и сентябрьский ветер мёл по широким проспектам пыль вместе с опавшими листьями, Валерка забрёл в одну, на первый взгляд, обычную квартиру. По картотеке в квартире значился один ещё пока лично не знакомый Валерке тип, ранее судимый за разбойное нападение. Квартира, конечно, находилась на пятом этаже, что собственно говоря, для таких типов было не редкостью. Поднимаясь по тёмному подъезду, Валерка как раз думал об этом странном, на его взгляд, обстоятельстве и прислушивался к завываниям ветра, доносящимся через разбитые стёкла подъездных окон.

Интересующая Валерку дверь в квартиру оказалась с вмятинами от ударов, без признаков звонка и слегка приоткрытой. Но к

таким дверям он уже успел привыкнуть, подобные двери уже попадались ему. Станным было лишь то, что дверь была приоткрыта, и на её поверхности вообще не угадывалось каких-либо следов от замочных скважин или других признаков запоров или замков. Валерка приоткрыл дверь, она протяжно скрипнула. Изнутри не пробивалось ни лучика света. Показалось даже, что дверной проём сам поглощает весь проникающий в него свет. Было жутковато, тихо. Изнутри тянуло запахом каких-то застарелых лекарств. Пересилив себя, Валерка не подал голоса, а вошёл потихоньку вначале в коридор, потом в одну из комнат, заглянул в другую. Пахло старой мебелью, устоявшейся пылью и ещё чем-то затхлым со стороны санузла.

Комнаты чуть освещались уличным светом, беспрепятственно проникающим сквозь голые стёкла оконных рам. Под ногами чуть слышно поскрипывали половицы.

— Заходи, заходи, — как взрыв вдруг раздался каркающий, хриплый голос именно в тот момент, когда Валерка собрался пройти в кухню. Внутри у него что-то дрогнуло, но Валерка тут же громко хмыкнул над своим страхом и аккуратно перешагнул порог кухни.

Посреди маленькой, такой же тёмной кухоньки стоял квадратный стол, типовой, производства местной мебельной фабрики.

Такие были в каждой третьей квартире в городе. Между столом и чуть светящимися стёклами окна располагалось огромное кресло, в котором тёмной громадой возвышался сидящий широкоплечий человек. Кроме этого в кухне можно было различить старомодную двухконфорочную плиту, а в углу раковину, в которую еле слышно стучали капли воды.

— Что скажешь? — опять прохрипел громадный невидимый человек в кресле.

Валерка подошёл поближе к столу и, напрягая глаза, разглядел большого, немолодого на вид мужчину, с неестественно откинутой в сторону ногой, кособоко сидящего в кресле. Улыбка его показалась Валерке вначале зловещей и недоброй, а нога оказалась протезом, прямым и таким же огромным, как и сам его хозяин.

— Чем у вас тут пахнет? — осторожно спросил Валерка, для того чтобы что-то сказать.

— Да собачку варили, — словоохотливо откликнулся одноногий и мотнул огромной косматой головой в сторону большой кастрюли на плите. — Да только всё уже съели, опоздал ты.

Вот так они и познакомились с Костылём.

Валерка отпихнул от себя листок с рапортом и поглядел на часы. До начала рабочего дня осталось только двадцать минут, а значит, до прихода Деда ему никак не успеть написать рапорт.

Костыль был бывшим уголовником, лет пятидесяти пяти, а может быть и больше. Его образ жизни, увечье и четыре тюремных срока наложили на него свой отпечаток так, что сказать что-либо точнее о его возрасте было сложно. В той квартире он прописан не был, и, с его слов, жил здесь он года два, после того как «умерла мать его кореша». Кореш же — некто Поздеев Виктор Петрович, которого и рассчитывал увидеть здесь Валерка в первый раз, уже полгода отбывал срок. «Не за местные дела и в далёком лагере», — как сказал о нём Костыль.

Выяснить у Костыля его фамилию или хотя бы имя Валерке не удалось. Вначале Костыль как бы не замечал этих Валеркиных вопросов, а потом как-то ответил, что для всех в округе он просто Костыль, но если Валерке этого мало, то пусть поищет его данные в милицейской картотеке. И Валерка решил, что узнает сам.

Однако со временем ему так и не удалось узнать о Костыле ничего больше того, чем он сам рассказывал. Всё потому, что Костыль был очень интересным собеседником и сразу расположил Валерку к себе тем, что совсем не обращал внимания на его милицейскую форму. С их первой встречи Костыль начал разговаривать с ним как с равным, без всяких заискиваний или,

наоборот, напускного пренебрежения. После нескольких минут разговора он сразу попросил его в следующий раз принести сигарет и чаю. «Принеси листового — сказал он как-то запросто. — А то не люблю я этот в комках». Валерка понял, что он имеет в виду гранулированный чай. «Чифир из него выходит какой-то химический».

Нет, он, конечно, понимал, что Валерка из милиции, что он участковый инспектор, но разговаривал с ним как-то обычно, не так как все те, с кем Валерке приходилось общаться до этого. И это вызывало у Валерки ответное чувство доверия.

При желании, Валерка мог бы «пробить» через милицейскую картотеку данные на Костыля. Например, незаметно прихватив с собой одну из водочных бутылок, наполненных водой, которые Костыль постоянно держал на столе, видимо, для того, чтобы не вставать каждый раз, когда нужно было напиться. По отпечаткам пальцев на бутылке эксперты выдали бы ему всю известную информацию. Но вначале Валерка считал, что это сделать никогда не поздно, а потом это как-то само собой стало не важным.

Когда Валерка пришёл во второй раз и принёс все заказы, Костыль принял подарки молча и сам же затеял беседу. Он стал рассказывать Валерке про места заключения, в которых побывал, про друзей-приятелей, про

которых всегда добавлял «ныне покойные», про лагерные законы и ещё многое, что для Валерки было не столько ново, сколько интересно. Хотя сказать, чтобы Костыль не рассказывал ничего нового, тоже было нельзя. Многие из его последующих рассказов, когда Валерка стал появляться у него более часто, всё-таки были во многом познавательными и интересными, так как рассказчик Костыль был неплохой, умел он чем-то привлечь внимание.

Как-то он завёл разговор про тюремные порядки и правила, существующие между заключёнными, и стал вспоминать старые времена. А в конце разговора сказал: «Теперь уже не то. Беспредел наверху. Воровские законы похерили. Хотя говорят, тюрьмы ещё держатся, но надолго ли? Если скоро этих «барбосов» хотя бы половину на зоны отправят, тех, что в спортивных костюмах, которые стреляют в кого ни попадая, они, я думаю, и в лагерях порядки начнут менять. Потому что, если они на свободе привыкли бандитские дела творить, не оглядываясь на воровской сходняк, значит, и на тюрьме будут сбиваться в свои стаи и мимо воровских законов пойдут. Уж крови-то они не боятся». Костыль сокрушённо качал лохматой головой. «А молодые уже за ворами не пойдут, потому что там, в беспределе, жизнь красивей, богаче...»

После их второй встречи, которая мало чем отличалась от каждой последующей, Костыль сказал как будто бы невзначай: «Ты лучше ближе к ночи заходи. Ночью-то у меня теперь никого не бывает, не то, что раньше. Теперь много «крыш» есть таких, что и постель тебе чистая, и «хавчик» не хуже, чем в кабаке».

Валерка стал заходить к Костылю после десяти вечера, в конце продолжающихся и уже вошедших в привычку обходов. Он всегда старался принести Костылю чего-нибудь съестного, дешёвых сигарет, заварки. Боялся, что Костыль попросит принести водки, и тогда будет неудобно отказывать. Но Костыль об этом молчал, будто знал ту грань, за которую заступать нельзя.

Конечно, встречи их были не такими уж частыми, потому что времени не хватало не только на работу, но и на друзей и родственников, на вечеринки и на свидания с девчонками. Но всё-таки, все бытовые дела пока не сильно волновали Валерку, основное время он проводил на работе, а потому «участковые обходы» не забросил и о Костыле, естественно, никогда не забывал. Понимал и помнил, как учили, что свой собственный источник информации добывается и выращивается не сразу. Информация должна вначале собираться по крупицам, спешка и давление на источник на начальной стадии не допускаются. Но Валерка даже и не думал пока ни о чём серьёзном

по отношению к Костылю. Так иногда, вспоминая его странные монологи, пытался найти в них что-то интересное для работы, но не находил. Вопросы Валерка Костылю больше уже не задавал, а чего ходил к нему и сам не знал, просто было интересно слушать его, когда ещё за службу успеешь столько узнать. Он не ждал каких-то откровений от Костыля, не ждал помощи в своей работе и не за это носил ему продукты и табак.

Однако, в какой-то степени даже неожиданно для Валерки, помощь от Костыля пришла где-то месяца через два после их знакомства. В один неприметный октябрьский вечер, при обычной встрече, Костыль закурил дарёную Валеркой «Приму» и вдруг стал говорить о банде Боцмана. Рассказал, что поганые люди были, поганые дела делали. Рассказал, кого из предпринимателей грабили, и у кого что вымогали, угрожая жизни жёнам и детишкам. А в заключение сказал, что рад, что их наконец-то взяли. «Пусть поматают срок, — сказал Костыль. — Давно пора. Дуракам, конечно, всё равно, а всё же, может быть, ума им добавят там».

Про банду Боцмана ходили громкие слухи и ею занимались опытные опера из городского УВД. Валерка краем уха слышал про это дело и то отрывочно, без подробностей. Поэтому удивился он и не удержался от

вопроса, откуда же, мол, ты знаешь про это?

Костыль как обычно ничего не ответил и перевёл разговор на другое. Стал рассказывать, что совсем недавно, недалеко отсюда, через две улицы, хоронили одного молоденького парня. Паренёк хоть и не из блатных, но с блатными жил неплохо. На похоронах знакомые Костыля рассказали ему, что парня зарезал гнида одна по кличке Курица. Здоровенный бугай, один из этих отморозков, что вечно ходят в спортивной форме и возят «калаши» (автоматы Калашникова) на заднем сиденье своих автомашин. Что там вышло, блатные точно не знали, но люди рассказывали, что Курица ткнул ножом парня возле дома № 2 по ул. Макаренко. Это уже потом, мол, парень кое-как дошёл до своего двора, да там и кончился.

«Рэкетирь! — презрительно сказал Костыль. — Придумали, тоже мне, погребушку красивую. А по-моему, беспредел, он и есть беспредел. Душегубы, одним словом, по-вашему».

В тот вечер Костыль говорил много что ещё. Но Валерка не забыл про зарезанного недавно парня. На следующий день он уже выяснил, что райотделовские оперативники из отдела по тяжким преступлениям по раскрытию в связи с прошествием времени работают уже вяло. Что дело находится у молодого следователя и что в связи с отсутствием лиц, подозреваемых в

совершении преступления, дело начинает зависеть. То есть пре-вращаться в «висяк», как говорят в райотделе.

В ближайшие дни Валерка взялся за дело агрессивно. Сам обошёл все квартиры по ул. Макаренко в доме два, и четыре, и три, и пять... Он мог бы продолжать, но собранного материала было больше чем достаточно. Допрошено было около четырёх свидетелей, которые непосредственно видели, как и кто зарезал парня во дворе дома № 2 по ул. Макаренко, и ещё больше людей, которые видели начало скандала и ушли раньше, чем Курица ударил парня ножом.

Валерка быстро установил по кличке и по словам свидетелей фамилию и место жительства Курицы. Очень спокойно договорившись с одним молодым оперативником, дежурившим в эти сутки в оперативной группе, приехал на дежурной машине к дому Курицы и взял его утром, легко, без скандала, навешав тому лапши о хулиганстве в отношении соседки по подъезду. Курица разнервничался, изображая невинно оговорённого и почти сам сел в дежурный УАЗ для встречи с этой «лярвой», которая его оговорила.

В одном из кабинетов дежурной части Валерка не без труда, но всё-таки прижал фактами Курицу и выдавил из него письменное признание, что парня-то он всё-таки пырнул, случайно, конечно, так, мол, получилось...

Но это уже к делу отношения не имело. Валерка передал весь собранный материал следователю и, предоставив ему самому мучиться по поводу ареста Курицы и разных других формальностей, с чистой совестью на исходе вторых суток без отдыха пошёл домой отдыхать.

Когда после двух дней отсутствия Валерка появился в своём кабинете, то Дед, покачив головой, сказал: «А вот и Борисов! Хорошо, что позвонил, а то мы с Пятаковым думали, что ты с девчонкой где-то завис, и тебя прикрывать уже надо. Так хоть одно и то же с начальником следствия на разводе говорили». И по его всегда насмешливому тону, Валерка так и не понял, осуждает его Дед или таким образом одобряет. Колька Пятаков тоже неопределённо улыбался, мирно и чинно восседая за своим столом. И вот тогда впервые Валерка почувствовал какое-то расстояние между ними и собой, и ему было неудобно и даже стыдно за что-то, хотя никакой вины вроде бы за ним и не было.

У Костыля Валерка появился только через две недели, и сразу из дверного проёма почувствовал крепкий запах дурного самогона, какой обычно предприимчивые бабушки продают из-под полы, ночью, на площадях города, для любителей дешёвого пойла. Костыль сидел на полу в кухне, привалившись спиной к своему огромному креслу, и казался

маленьким и большоголовым из-за того, что был без протеза.

Видимо, заслышав в тишине Валеркины шаги, Костыль дёрнулся и повернулся тяжело в сторону двери.

— А-а! — пьяно протянул он. — Разговелся я. Кореша торбу подкинули, так что ты иди, — закаркал он более отрывисто, чем всегда. — Потом придёшь, сейчас с меня только гадость может вылиться через край, и более ничего.

Валерка ушёл и решил пока не ходить к Костылю. Но его постоянно мучил вопрос, на который он не мог никак получить ответ. Кто же приходит к Костылю? И что это за люди, которые приходят к нему только днём? Ходит ли сам Костыль куда-либо? И много других подобных вопросов.

Поэтому Валерка, как новый участковый, решил подробно познакомиться со всеми жильцами первых трёх этажей подъезда, в котором жил Костыль. Это заняло у него около недели. Он как обычно приходил в квартиры, представлялся, спрашивал об имеющихся жалобах, и если жилец попадался разговорчивым или пожилым, то невзначай спрашивал о Костыле.

Узнал Валерка не много, но достаточно. Костыль, оказывается, регулярно покидал свою квартиру и ходил на своём протезе «очень даже не медленно», как сказала одна разговорчивая бабуля с первого этажа. Сосед

с третьего этажа, весёлый дядька-садовод, рассказал, что к Костылю постоянно ходят с утра какие-то типы. Ведут себя всегда тихо, но люди приходят не одни и те же, а постоянно разные. Пить Костыль не пьёт, дворовые алкаши к нему даже и не подходят, но раза два в месяц, а иногда и реже Костыль напивается у себя дома и тогда орёт похабные песни, но не особенно долго. А вообще-то по ночам он не шумит, и вреда никакого от него нет.

«Только вот последнее время по ночам к нему кто-то стал ходить. Худой, высокий. А так разве ночью увидишь, кто их разберёт?» — сказала на прощанье бабуля с первого этажа.

«А то, что вы ходите контролировать, — сказал пенсионер-садовод, угощая Валерку чаем с вареньем личного изготовления, — это правильно. Уголовник он и есть уголовник...»

Это было всё, что он узнал. Если не считать, что почти каждый из тех, кого он посещал, считал своим долгом рассказать ему про то, как тяжело стало жить при отсутствии денег, что пенсии задерживают уже несколько месяцев, что заводы разворовали, и лучше бы милиции заняться серьёзными ворами, теми, кто не даёт пенсии и заработные платы. Но к таким разговорам Валерка уже привык за свою недолгую деятельность в качестве участкового инспектора и на такие предложения отвечал бойко, уже не

теряя цели разговора за дежурными речами о развале производства и страны.

У Костыля Валерка появилась через неделю, как только стемнело. Но тот почти от порога сразу заявил ему: «То, что у соседей про меня пробивал, это твоё дело. Но теперь приходи пореже. Мне лишние разговоры, кто да что, и непонятки корешей тоже не к чему». На эти слова Валерка не нашёл, что ответить. Отдал Костылю мамины пирожки, которые прихватил утром, и как обычно пару пачек «Примы» и три пачки чая.

— Всё, иди! — отчуждённо сказал Костыль — Приходи теперь раз в неделю, но не в один и тот же день. Выбирай по случаю, как покажется.

Валерка шёл домой по плохо освещённым ночным улочкам городка и думал о том, что отношения с Костылём, скорее всего, кончились. Костыль или обиделся, или испугался, и теперь его «источник знаний» закрыт.

Однако, когда Валерка, выбрав время, опять зашёл к Костылю, тот встретил его приветливо, как будто ничего и не было. Опять весь вечер они сидели на кухне и Костыль рассказывал о тюрьме, о лагерных бунтах, о местных воровских авторитетах...

Валерке показалось, что всё останется по-прежнему. Но сразу после этой встречи Костыль исчез. Больше месяца Валерка

заходил в пустую квартиру, чувствовал, как в доме запустили отопление, и в квартире Костыля появились новые запахи. Иногда он ходил по комнатам, будто искал разгадку исчезновения Костыля, но не мог найти. Всё было на своих местах: пыльная мебель, стопки книг за грязными стёклами шкафов, мохнатое огромное кресло, ржавая раковина с капающим краном. Через месяц Валерка стал заходить реже, привыкнув к мысли, что Костыль больше не появится.

Но, по прошествии месяца, в ноябре, когда уже подмораживало, Валерка, по привычке заглянувший в тёмный проём квартиры Костыля, вдруг неожиданно услышал знакомый голос.

— Заходи, заходи! Я тебя ещё за два этажа услышал.

От Костыля пахло перегаром, он сидел, развалившись в своём кресле перед кухонным столом, заваленным какими-то пакетами и свёртками, видимо, с чем-то съестным.

— На поминках был, — сообщил Костыль. — Валю Венчика хоронили, упокой его душу... Валя со мной ещё в Чишкане сидел. Страшное место. Жара, зараза разная, желтуха. Он ещё там «тубик» схватил, по молодости.

Костыль мотнул рукой на заваленный пакетами стол: — Сегодня я тебя могу угостить, начальник. Но ты не будешь, конечно? А меня уже и накормили, и напоили за эти дни...

Костыль помолчал и стал говорить так, будто они продолжали когда-то начатый разговор.

— Это Венчик завалил Колесо две недели назад. Колесо был из этих, из новых, «отвязанный» на всю катушку. Сколотил бригаду и давай промышлять по части продажи техники. Угонял из города по десять машин в месяц. Тачки угнанные он где-то сбывал, но в общак кроил по-чёрному, давал крохи. А общак, начальник, это не только воровская касса. Это ещё ларьки на улице Советской, через которые продукты идут в лагеря для подогрева зекам.

А сидельцы сейчас на зонах впроголодь живут. Страсть. Я такого и не помню, чтобы в тюрьмах с голодухи пухли. Времена вернулись, как из рассказов старых зеков в мою молодость.

Костыль вздохнул, и Валерка в темноте услышал, как он копается в пакетах на столе. Потом на столе появилась бутылка водки с яркой этикеткой, какими были набиты все ларьки на центральных улицах города. Костыль посидел молча, потом сказал: «Нет, один не буду...» — и тут же продолжил прерванный рассказ.

— Так Венчик сам вызвался порешить Колесо. Знал, что пока вы, менты, будете копать, он сам уйдёт. У него «тубик» был в открытой форме, кровью давно уже харкал.

Вот после этого Костыль и рассказал то, что не давало долго уснуть Валерке в эту ночь. То,

из-за чего он и прибежал сегодня на службу в такую рань.

Рассказ Костыля заинтересовал Валерку, конечно, не тем, что какой-то вор убил главаря преступной группы. Да к тому же убийца сам уже был покойником. Такая информация могла заинтересовать кого-то только чисто фактически. Дед как-то рассказывал им с Пятаковым, что лет шесть назад убийство на территории любого из районов города было делом редким, и поэтому относились к этому серьёзно. По каждому убийству тогда в райотдел приезжали из городского УВД опера из группы по раскрытию тяжких преступлений, и расследование производилось в основном ими, уже пожилыми и опытными операми. А местные, райотделовские, были у них на подхвате, в помощниках. Сейчас же, когда в сводках только их райотдела за сутки фиксировалось иногда до четырёх криминальных убийств, к этому стали относиться спокойнее. Создали в каждом райотделе отдел по раскрытию тяжких преступлений, с составом три-четыре человека и требовали с них раскрытия всего вала не только убийств, но и изнасилований, разбоев, которые захлестнули город в последние годы. Конечно, к раскрытию тяжких преступлений привлекали всех, и в первую очередь «зональников», таких, как Валерка и Колька Пятаков, но это, как говорил Дед, только путало все карты, так как за результат, то

есть за раскрытие не отвечал никто. Хотя за низкую раскрываемость убийств и попадало всем поровну, но это дела не решало, а лишь заставляло оперативников уголовного розыска надеяться на удачу. Вот поэтому, если сутки проходили без убийства или разбоя, то и считали, что день выдался на редкость удачным.

Валерку заинтересовало в рассказе Костыля другое.

Автомобили угонялись в городе с завидной периодичностью. Город был лидером по области по показателю украденных автомобилей в год. Группы по угонам автотранспорта существовали уже в каждом райотделе, но автомобили продолжали исчезать бесследно. Найти угнанный автомобиль в городе считалось почти не реальным. Вот поэтому так заинтересовал рассказ Костыля Валерку.

Со слов Костыля, выходило, что в недавнем прошлом некто, по кличке Колесо создал преступную группу, занимающуюся угонами и продажей автомобилей. Дела у данной группы шли неплохо. Ребята стали жить шикарно, посещать дорогие рестораны, покупать золото и драгоценности, разъезжать в дорогих автомобилях и проявлять в отношениях с воровскими авторитетами небрежность и самостоятельность.

Естественно, это привлекло внимание воровских авторитетов

города, и они без труда установили, что Колесо продаёт автомобили за кордон, в Казахстан. Причём продаёт по схеме, которую местные воры считали своей, так как именно они придумали и до сих пор осуществляли продажу краденых автомобилей таким путём.

Так называемая граница с Республикой Казахстан находится всего в десяти километрах от черты города, пересечь которую можно было легко по множеству больших и малых дорог, существующих в необозримой и ровной как стол степи, окружающей город. Пограничников как таковых на данной границе пока не существовало ни с одной, ни с другой стороны, а на единственной легальной дороге, соединяющей город с соседними деревушками и городками на территории Казахстана, стоял одинокий таможенный пост. Возможно, в своё время автомобили и перегонялись по объезжим дорогам с вооружённой охраной, как сразу представил себе Валерка. Но в какое-то время была придумана довольно простая и хитрая схема, логично вытекающая из взаимодействия воров на этой и той стороне границы.

Местные воровские авторитеты имели связи с преступной группировкой в Актюбинской области, которая была образована по национальному признаку и состояла в основном из чеченцев. Группировку возглавлял некто по кличке Захар. Так вот, люди

Захара находили на территории Казахстана покупателей на автомобили, которые заказывали марку, цвет, год выпуска и другие показатели на автомобиль, который хотели бы купить по сходной цене. При достижении договорённости по цене, люди Захара сообщали данные на автомобиль в город, наверное, по мобильной связи, воровскому авторитету, ответственному за эти операции. Люди этого человека присматривали, находили и угоняли автомобиль с заказанными параметрами, после чего ставили его в «отстойник», то есть в один из гаражей в многочисленных гаражных кооперативах, почти кольцом окружающих город.

После этого сведения об автомобиле, необходимые для заполнения паспорта на транспортное средство, а именно, номер двигателя, кузова, шасси и тому подобное, передавалось людям Захара. В Казахстане определённые люди шли в одно из отделений Актюбинской автомобильной инспекции к заранее подкупленным людям, работающим там, и выписывали по указанным данным новенький паспорт транспортного средства Республики Казахстан, а также получали новые номера на якобы недавно купленный автомобиль.

Через месяц после кражи автомобиля, когда меры по его поиску уже утихали, с казахстанскими документами и номерами на автомобиль перегонщик, с

доверенностью на право управления, приезжал в город, платил воровскому авторитету его долю, прикручивал казахстанские номера на автомобиль и спокойно пересекал оба таможенных поста. На обоих постах помечали, что проехала автомашина Республики Казахстан, приобретённая там же. Номера двигателя, кузова и государственные номера соответствовали данным, указанным в паспорте транспортного средства. Вопросов ни у кого не возникало. Схема работала идеально, без сбоев.

Со слов Костыля, таким образом за границу уходили не только легковые автомобили, но и автокраны, экскаваторы, грейдеры и другие строительные и специальные автомобили.

Валерка закончил рапорт и только тут обратил внимание, что в кабинете уже сидели на своих местах и Дед, и Пятаков. Валерка покосился на часы на стене и увидел, что рабочий день начался уже полчаса назад. Что было за эти полчаса, и как его коллеги оказались в кабинете, Валерка совершенно не помнил, и поэтому испытывал некоторую растерянность. Получилось опять, что он слишком увлёкся работой и ничего и никого не видел.

Валерка видел, что всё-таки что-то пропустил, так как и Дед, и Пятаков демонстративно занимались своими делами, не обращая на него никакого внимания.

Гадать было глупо и Валерка, помедлив, с тяжёлым вздохом встал с места и, гипнотизируя взглядом Деда, направился к его столу. Написанный рапорт он скромно прижимал к груди.

3

Нет, Дед не спрятал Валеркин рапорт в стол, и разговор на потом откладывать, как ни странно, не стал. Вначале он внимательно прочитал рапорт, и первое, что сделал после долгой, показавшейся Валерке бесконечной, паузы, это обратился к Пятакову.

— Коля! Иди, перекури или в гости сходи к своим знакомым «следачкам». Как их там, этих молоденьких длинноногих, Света и Катя, кажется?

Увидев озадаченный взгляд Пятакова, Дед подбодрил его довольно жёстко: — Давай, давай, иди на перекур.

Пятаков, ворча что-то под нос, вышел из кабинета, и когда дверь за ним закрылась, Дед наконец-то поднял взгляд на Валерку, продолжавшего стоять у его стола.

— А ты чего стоишь, сынок? — с притворным удивлением спросил он. — Иди, садись. Я тебе не начальник штаба, строевую подготовку с тобой проводить не буду. Да и праздников не предвидится, ноябрьские прошли...

Дед некоторое время вертел в руках Валеркин рапорт, будто бы хотел увидеть в нём ещё что-то.

Лицо его с каждой минутой становилось всё мрачнее и мрачнее.

— Информация любопытная, — вдруг прямо сказал он. — Как вы, молодые, сейчас выражаетесь, информация «в цвет», то есть, я так понимаю, в самую точку.

Дед вдруг резко бросил рапорт на стол перед собой и добавил:

— Однако я думаю, для тех, кому я должен передать твой рапорт, его содержание не будет большой новостью.

Дед поморщился и как-то виновато отвёл глаза от вопрошающего Валеркиного взгляда.

— Даже больше тебе скажу, — добавил он. — Возможно, что твой рапорт будет для них только головной болью.

— Да для кого для них? — громко выкрикнул Валерка, не выдержав медлительной речи старого опера.

И сразу после своего крика увидел, как лицо Деда, из незнакомого, скучно-тоскливого, становится вдруг злым и строгим. Видимо, сдерживая приступ бешенства, Дед судорожно жевал губами и играл желваками на челюстях. Такое Валерка уже видел и поэтому тут же притих.

— Вот что, мальчик, — уже жёстко заговорил Дед. — Ты случайно не забыл, в какой стране мы живём? Нет?

Дед бросил локти на стол перед собой и уставился на Валерку побелевшими глазами.

— Ты хоть помнишь, какой сейчас год? Помнишь, да? Сейчас тысяча девятьсот девяносто пятый год, ноябрь месяц. Не девяностый, и даже не девяносто второй, — девяносто пятый. В Чечне, если ты не забыл, идёт война. И наши ребята с райотдела вместе с другими скоро будут там, уже готовятся. А наш городской ОМОН уже месяц как туда уехал. Но это ты знаешь! А вот то, что ты не знаешь и то, что тебе вообще-то и знать не положено.

Дед оборвал свою речь и будто бы задумался, говорить ему дальше или нет. Он набычился, склонив низко седеющую голову, и заговорил намного тише:

— Ходят слухи, что банда Захара имеет около двухсот человек бойцов. Хорошо вооружённых бойцов, разбросанных по всей Северо-Казахстанской степи. Конечно, в основном это чеченцы.

Так вот, последнее время бойцов этих меньше не стало, но некоторые из них почему-то исчезли, а на их месте появились другие. Эти другие свободно носят униформу независимой республики Ичкерия, и большинство из них почти легально лечатся от огнестрельных ранений во всех районных больницах Актюбинской области. Ты учёный мальчик и должен понимать, что это значит.

И ещё, многие заказные убийства в нашей области стали последнее время не только более жестокими, но и более наглыми и профессиональными. А проща говоря, очень уж они стали

походить на террористические акты и боевые засады.

Дед замолчал, подумал, потёр рукой наморщенный лоб и добавил уже совсем тихо: — Но и это не всё, Валера!

И то, что Дед назвал его первый раз по имени, и потому, как он это сказал, Валерка понял, насколько Дед сейчас сосредоточен и обеспокоен.

— Главное в том, что если бы я, хотя бы наполовину был уверен в том, что твой рапорт с грифом «секретно», который должен попасть наверх, мирно ляжет в секретной части, как ему это и положено. И что информация эта будет использована как положено, то я спокойно дал бы твоему рапорту ход. Но дело в том, что я больше чем наполовину уверен, что об этом рапорте будет знать лично Захар. И даже если он его не очень заинтересует, то и в этом случае за твою жизнь я не дам даже и копейки.

Дед замолчал и отвернулся к окну и потом чуть слышно добавил: «Хотя сейчас и денег-то нет таких».

Дед молчал, а Валерка напряжённо смотрел в его сторбленную спину. Он чувствовал, что это ещё не всё. Он ждал чего-то ещё, то, что Дед обязан был сказать ему. Что-то ещё очень важное. Что-то не касающееся ни жизни, ни смерти, ни работы, что-то, что он всегда не договаривал, и именно это всегда придавало его словам определённую значимость. Но сейчас, Валерка был уверен в этом, он должен

был сказать ему то главное, что Дед недоговаривал всегда. Сейчас он был просто обязан это сказать!

Но Дед, не поворачивая головы, сказал просто: — Прошу тебя забрать свой рапорт и порвать его. Не ради своей жизни, а ради того, чтобы когда-нибудь вспомнить о нём. Чтобы было кому вспомнить и восстановить его.

Дед повернулся, и Валерка вдруг увидел, что он улыбается. Просто улыбается, без злости и насмешки.

— Я, конечно, не наш замполит, — опять со свойственной ему насмешкой в голосе заговорил Дед, — задушевных бесед вести не умею, особенно с липовыми участковыми инспекторами. Но пойми правильно. Не то время сейчас! Хотя в любое время зря голову под топор ставить не стоит.

Дед взял рапорт двумя пальцами за краешек и аккуратно протянул его Валерке. А Валерка, забрав рапорт, с недоумением и досадой подумал о том, что Дед опять как будто обманул его в чём-то, опять не сказал того самого важного, что всё объяснило бы ему без этих насмешек, полупамёков и предостережений.

24 августа 1997 года на одной из просёлочных дорог Дагестана, примыкающей к административной границе с Чеченской республикой, на заложенной боевиками mine подорвался милицкий автомобиль УАЗ, осуществляющий патрулирование административной границы.

При взрыве погибли трое сотрудников милиции, находящихся в данном районе в командировке, в составе сводного отряда милиции Оренбургской области.

Тела погибших сотрудников милиции:

— милиционера-водителя сержанта Ковалёва Павла Васильевича, 1972 года рождения;

— оперуполномоченного уголовного розыска старшего лейтенанта милиции Пятакова Николая Александровича, 1970 года рождения;

— оперуполномоченного уголовного розыска старшего лейтенанта милиции Борисова Валерия Николаевича, 1969 года рождения — будут направлены на родину, для захоронения со всеми воинскими почестями.